

ДВА АСПЕКТА ВЕНГЕРО-УКРАИНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ (ПО ЭЛЕКТРОННОЙ БАЗЕ ДАННЫХ 2002 ГОДА)
Украинская литература на венгерском языке в 1902–1940 годы и национальный имидж венгров в украинской литературе X–XX вв.

Иштван Феньвеш

В нашей Электронной базе данных (ЭБД) содержится материал двух аспектов. Они собраны автором в течение полувека в ходе изучения различных тем венгеро-советских (главным образом русских) литературных контактов и дополнены (а также введены в созданную им ЭБД) за последние годы в ходе специального исследовательского проекта.

1. *Украинская литература на венгерском языке в 1902–1940 годы* – это как бы побочный продукт в виде библиографических данных, не вошедших в опубликованные автором работы и неизвестных специалистам и по 10 томам библиографического потока Козоча–Радо.

В публикующемся ниже украинском материале содержатся две группы.

1.1. В первой – почти десяток переводов фольклора в печати 1906–1915 гг.,¹ переводы произведений украинских писателей в периодике 1902–1938 гг.^{2, 3, 4} Кобылянской,⁵ Коцюбинского⁶ и Лепкого.⁷ Для

¹ Galíciai és ladomériai népdalok. Közzéteszi Katona Lajos. *Magyar Világ*, 1906. márc. 25; Katona Lajos: Rutén népdalok. *Magyar Világ*, 1906. márc. 29; A szegény ember pászkája. Máramarosi rutén mese. Ford. Sztripszky Hiador. *Pesti Hírlap*, 1911. ápr. 15; Sz. L.: Ukrániai dalok. *Pesti Napló*, 1915. jan. 3; A borzalmak földjén. Egy rutén legendából. *Pesti Napló*, 1916. ápr. 23; Régen volt. Kisorosz elbeszélés. *Tiszántúl* (Nagyvárad), 1909. júl. 15.

² J. Fegykovics: Kit terhel a bűn? *Magyarország*, 1918. aug. 4; то же. *Belgrádi Hírek*, 1918. aug. 6; A pajtás. (Ford. Dolinay Péter.) *Trencsényi lapok*, 1905. márc. 26.

³ Ivan Franko: Az ukrán paraszt. *Népszava*, 1902. márc. 13; то же. *Népszava nap-tár*, 1902; Polinyka. (Ford. Sztripszky Hiador.) *Pesti Hírlap*, 1908. szept. 27.

⁴ Vaszil Sztefanik: Az aláírás. (Ford. Sztripszky Hiador.) *Pesti Hírlap*, 1908. okt. 28; Az út. (Ford. Vultur.) *Ellenzék* (Kolozsvár), 1909. júl. 26; Oda van. (Ford. Groza Ferenc.) *Szatmári hírlap*, 1908. máj. 23.

⁵ O. Kobiljanszkaja: Zemlja. (Regényrészlet). *A munka szemléje*, 1905. máj. 31.

⁶ M. Kocjubinszkij: Az ötös arany. (Ford. Sztripszky Hiador.) *Erdélyi hírlap* (Kolozsvár), 1906. dec. 15.

полноты картины укажем и на публикации переводов «малороссийских писателей» А. Седого и Козакевича,⁸ обзор украинской литературы,⁹ а также статью Ш. Бонкало о Шевченко и рецензию на его книгу в газете «Непсава»,¹⁰ а также одна народная песня публиковалась в межвоенное время в журнале московских политэмигрантов,¹¹ две – в коложварском «Напкелет».¹²

1.2. Во второй группе наибольший интерес представляет репортаж газеты «Аз Уйшаг»¹³ о заседании венского Рейхсрата 4 июля 1907 года, где (подчеркивается: все) украинские депутаты из Галиции в знак протеста против произвола властей (расстрел демонстрации в Хоружко) встали и запели «Ще не вмерла Украина...». Отчет об этой политической демонстрации приобретает историко-литературное значение оттого, что в газете приводится (в прозаическом дословном переводе) венгерский текст первой строфы «украинского национального гимна» (это слова журналиста – автора заметки), а вслед за этим – также исполненной теми же депутатами «революционной песни», написанной «знаменитым поэтом д-ром Иваном Франко» «К братьям-славянам». (За идентификацию обоих текстов с оригиналами выражаю искреннюю благодарность Наталии Шайтош.)

Определенный критический материал имеется и в некоторых общих обзорах.¹⁴

2. Второй аспект - *национальный имидж венгров в украинской литературе.*

⁷ B. Lepkij: Az áldozat. *Magyarország*, 1909. ápr. 16; то же. *Egyetértés*, 1910. jan. 10.

⁸ A. Szedoj: Kifogott az ördögön. (Ford. Máté Pál.) *Komáromi lapok*, 1910. dec. 3; Kozakevics: A fiukért. (Ford. Szémán István.) *Keddi lapok*, 1911. márc. 14.

⁹ Anka János: Ukrán irodalom. *Élet*, 1918. febr. 24.

¹⁰ Bonkáló Sándor: Sevcsenko, az ukránok Petőfije. *Pesti napló*, 1936. márc. 22; Bonkáló Sándor: A kárpátaljai rutén irodalom és művelődés. *Ism. Népszava*, 1940. nov. 24.

¹¹ Ukrán népdal. (Ford. Gábor Andor.) *Sarló és kalapács*, 1937. 11. sz. 57. p.

¹² Két sárosi ruszin népballada. (Közli Sztripszky Hiador.) *Napkelet*, 1939. 1. sz. 12–13. p.

¹³ Botrány a Reichsratban. *Az Újság*, 1907. júl. 5.

¹⁴ Az ukrainaiak. *Független Magyarország*, 1915. márc. 4; Podhradszky György: Ukránia. *Magyarország*, 1918. jan. 1; Szabó Endre: Kisoroszország. *Virradat*, 1918. febr. 21.

2.1. В процессе взаимного познания каждая нация формирует свои стереотипы как о своих соседях, так и о других нациях, с которыми она приходит в соприкосновение по ходу своей истории. Они возникают из упрощенных, окаменевших и чрезвычайно раздутых фактов бытового опыта индивида, семей, небольших коллективов и целого народа. В этих стереотипах, по наблюдению Лешка Колаковского,¹⁵ признание и презрение содержатся примерно пополам. Изучение национальных стереотипов, как отдельная ветвь общественной антропологии, способно во многом содействовать пониманию «национальных характеров», но происходит это не путем создания некоего зеркального отражения образа других народов, а через невольное «разоблачение» нашего собственного видения, наших недостатков и добродетелей, проявляющихся в процессе суждения о других.

Слова же русского мыслителя Георгия Федотова («нет ничего труднее национальных характеристик. Они легко даются чужому, и всегда отзываются вульгарностью для „своего“, имеющего хотя бы смутный опыт глубины и сложности национальной жизни»¹⁶) напоминают о трудностях как интеллектуального, так и морального свойства, возникающих перед всеми, кто решается взяться за изучение инонациональных типов в рамках любой литературы.

Наша тема таит в себе нечто принципиально новое по сравнению с теми представлениями о венграх, которые приходится считать уже традиционными, а, главное, доминирующими в ряде литератур Западной Европы. Из обобщающего труда Шандора Экхардта «Зарубежный портрет венгров» нам известно то «поверхностное представление, которое укоренилось в среднем человеке Запада» еще с позднего средневековья, мнение, согласно которому венгры – это «чужеродное тело в Европе» и что они «без масла христианства и поныне были бы лишь тюркским племенем, кочующим где-то между румынскими Альпами и Дунаем».¹⁷

¹⁵ Kolakowski L. *Male wykłady o maxi sprawach*, t. 2. – Kraków. *Részlet. Népszabadság*, 1999. aug. 14.

¹⁶ Цит. Аверинцев С.: Византия и Русь: два типа духовности. *Новый мир*, 1988. № 7. с. 210.

¹⁷ Eckhardt Sándor: *A magyarság külföldi arcképe. – Mi a magyar?* Szerk. Szekfű Gyula. Magyar Szemle Társaság, 1939. 130., 134. p.

2.2. Венгерская русистика еще немало отстает в разработке этой темы. В Польше, напр., уже десятилетия как изданы в нескольких томах произведения русских писателей на польскую тему, а в Болгарии эта тема освещена в монографиях. В вышедших в ФРГ 5 томах серии «Запад и Восток в зеркале друг друга» (русские о немцах и наоборот) охвачен материал от IX до начала XX вв.

Правда, по сравнению с тем, как, обобщая результаты исследования на тему «венгерские элементы в мировой литературе», Лайош Дьердь в Коложваре еще в начале 20-х годов вынужден был констатировать, что «в столь авторитетной русской литературе никакие венгерские моменты не обнаружены»,¹⁸ но за последние полвека уже немало сделано нашими учеными. Наряду с историками ценный вклад внесли в это дело и литературоведы, особенно на древнерусском материале.

Время, однако, требует уже большего. В 1999 году Венгерской Академией наук была проведена конференция на тему «Национальный имидж венгров и его изменения в истории». В ее материалах, изданных в серии «Стратегические исследования»,¹⁹ обнаруживается курьезный, но скорее грустно-характерный факт. Россия и русские упомянуты лишь один-единственный раз, во вступительном докладе академика Ф. Патаки, причем произошло это не из-за объективного отсутствия таких материалов, а единственно – из-за их несобранности, и, как следствие, неизвестности для научной общественности.

2.3. В духе конференции, но независимо от нее проводилось наше исследование под названием «Национальный имидж венгров в русской литературе X–XX веков». За истекшие годы нами проделан немалый объем работ: а) по выявлению первичных фактов – текстов, в которых изображены венгры (число названий произведений перевалило за 1600) и б) эти факты введены в ЭБД, которая «умеет» выдавать любые интересующие нас данные в их хронологическом, алфавитном и т.д. ряду в следующих аспектах: автор, название, время написания, тема, изображаемое время, время публикации, жанр, время перевода, фамилия переводчика и др.

¹⁸ György L. Magyar elemek a világirodalomban. Minerva, Cluj-Kolozsvár, 1924. 40. p.

¹⁹ Magyarországkép és történelmi változásai. Magyar Tudományos Akadémia, 1999.

В дальнейшем (уже в рамках следующего за этим проекта) предполагается: а) издание этой библиографии в виде книги и на компакт-диске, б) публикация всех выявленных художественных текстов на компакт-диске.

3. В свете сказанного, думается, не лишен логики вопрос: а как обстоит дело с темой национального имиджа венгров в украинской литературе?

Поскольку автор не является украинистом, он обязан подчеркнуть, что все нижеследующее носит чисто обзорный характер того немого, что в свете известного русского материала ему представляется заслуживающим внимания для будущих разработчиков темы среди украинистов. Делается это по тому небольшому украинскому материалу (всего ок. 200 названий), который собран нами в ходе изучения темы «Национальный имидж венгров в литературе народов СССР», как первоначально, еще в 80-е годы, была задумана работа.

Ход нашей мысли следует по внутренней хронологии – по изображаемому времени.

3.1. Наиболее ранняя эпоха – время княгини Ольги отражается в романе С. Скляренко «Святослав».²⁰ Здесь необходимо было бы вычленив венгерские нити сюжета, а также проследить, как писатель реализовал фактические поправки, рекомендованные ему переводчиком произведения на венгерский язык Дьердем Радо и на какие поправки он опирался в тех местах, где они были необходимы.

В карпатском фольклоре о короле Матьяше можно было бы систематизировать выявленные материалы Бонкало, Перфецким, Коморовским и Драгомановым²¹ и опубликовать их для современного читателя.

Необходимо было бы сделать общим достоянием и те полупереховные–полусветские песни, которые возникли после освобождения Буда от турок.²²

Из малодоступных узкопрофессиональных источников нужно донести до широкой публики также карпатский фольклор о Ракоци²³ и,

²⁰ Radó György: Magyar–ukrán történelmi kapcsolatok a szépirodalomban. *Helikon Világirodalmi Figyelő*, 1964/2. 304–305. p.

²¹ Там же, 307. p.

²² Там же.

²³ Там же, 308. p.

тем самым, дать фактическое подкрепление под достоверные, но ставшие общим местом утверждения о поддержке восстания всеми народами края.

В вертепной драме XVII в., как в свое время писал Грицай, наряду с представителями других народов изображались и фигуры венгров. «Когда на сцене появлялись запорожцы и играли казачок, русские – барыню, поляки – краковяк, венгр с венгеркой плясали чардаш. Речевая характеристика, музыка и танцы таким образом создавали яркий национальный колорит.»²⁴ Думаю, для нас хорошо бы иметь хотя бы приблизительный список названий вертепных драм, на основе которых было сделано такое обобщение.

Достоин нашего внимания и один несколько опосредованный, чтобы не сказать, обратный момент. (Изучение моментов такого рода входит в исследование билатеральных сопоставлений, в то, что Петер Ракош называет *ikertanulmányok*, т.е. статья о явлениях-близнецах²⁵). Имеется в виду украинка Настя Лисовская из Рогатина – жена турецкого султана Сулеймана I Законодателя или Пышного. Правда, как Ю. Шкробинец более 30 лет тому назад подробно проследил эту историю,²⁶ хотя ее нога не ступала на венгерскую землю, все же поучительна история ее дочери Кумиллы, попавшей аж в «Сигетское бедствие» Миклоша Зрини-младшего, а затем ставшей героиней русской драмы и двух опер, в том числе и одной венгерской («Кумилла» Густава Фаи).

Широко известен факт пребывания Г. Сковороды в Токае, как и значение этого факта для его идейной эволюции. Может быть, стоило бы специально, с точки зрения нашей темы, прочесть все, что доступно в его сочинениях, а также в литературе об этом его периоде. В частности, насколько нам известно по библиографиям, у Павла Тычины, кроме научного трактата, есть о нем и эпическое произведение, где, возможно, имеется что-то и по нашей теме.

²⁴ Грицай М.С.: Интернациональные мотивы в украинской драматургии XVII–XVIII вв. *Slavica*, 1970, с. 170.

²⁵ Rákos Péter: Nemzeti jelleg – a miénk és a másoké. Öncsalások és előítéletek mint történelemformáló tényezők. Kalligram, Pozsony, 2000. 95. p.

²⁶ Юрий Шкробинец: Роксолана и ее Кумилла. *Закарпатская правда*, 7 августа 1971; Roxolán és Kumilla. *Baranyai Művelődés*, 1976. 4. sz.

Выявленный Яношем Варади-Штернбергом факт создания портрета Ференца Ракоци II украинским художником Василем Петрановичем в XVIII в.,²⁷ может подтолкнуть исследователей на поиски находок того же плана (жанра) и в отношении других наших деятелей.

3.2. Немалый интерес представляет небольшое произведение, включенное Карамзиным в «Историю государства российского» и дошедшее до ученого, может быть, через уроженца Закарпатья Н. Кукольника. Это, по определению историка, карпато-русское стихотворение содержит похвальное слово Ференцу Сечени – основателю Венгерского национального музея и библиотеки.²⁸

Из двух описаний путешествий по Венгрии, вышедших из-под пера украинцев в XIX веке – поэта и историка Н.А. Маркевича (1838) и выпускника Московского Университета Н.А. Ригельмана (1847) наиболее интересные места уже приведены в книгах Л. Тарди²⁹ и Варади-Штернберга.³⁰ В библиотеках Украины, а ввиду военных потерь, может быть, еще в большей мере – русской столицы, а также Казани, Томска и др., может таиться еще немало сюрпризов такого характера. По глубинным, косвенным библиографиям, думается, возможно было бы докопаться и до них.

Относительно широкого сочувственного отклика на венгерскую революцию 1848–1849 гг. в Закарпатье, возможно, мы ломимся в открытые ворота, взывая к обработке таких интересных источников (судя хотя бы по их названиям, почерпнутым из библиографии, изданной еще к столетию революции³¹) как автобиография и поэзия Духновича, работа Головацкого «Народни песни Галицкой Угорской Руси», исторические труды И. Мельниковой, И. Панаса и др. Полагаем, что помимо них в поле внимания историков-украинистов находятся и многие другие, более новые произведения.

²⁷ Váradi-Sternberg János: Századok öröksége. Tanulmányok az orosz–magyar és ukrán–magyar kapcsolatokról. Gondolat – Kárpáti Kiadó, 1981. 89–96. p.

²⁸ Карамзин Н.М.: История государства российского. М., Книга, 1988. т. 1., с. 84.

²⁹ Tardi Lajos: Orosz és ukrán utazók a régi Magyarországon. Gondolat, 1988. 27–28, 33–34. p.

³⁰ Váradi-Sternberg János: Ук. соч. 15–17. p.

³¹ Vajda Pál: Oroszok a magyar szabadságharcról, 1949.

Поскольку нам знаком лишь из косвенного источника, не можем утверждать, примыкает ли к теме революции рассказ Г. Мачтета «Суд Божий в Карпатах. Рассказ горца»,³² но поставленная в нем проблема взаимоотношений горца-славянина и венгров делает этот рассказ заслуживающим внимания.

3.3. Наиболее обширной, сложной и многогранной сферой в теме до 1917 года является творчество Ивана Франко. Все, сделанное классиком в этой связи, пронизано мыслью, высказанной им еще в 1896 году: «Мы не враги венгерской нации, мы высоко ценим ее энергию в борьбе за свои права, ее героизм, который она проявила в тяжелые минуты. Мы глубоко уважаем выдающихся венгерских деятелей, поэтов и политиков, ибо мы знаем, что они не проявляли вражду к угнетенным, не поддерживали режим эксплуатации, оглупления и деморализации».³³

Наиболее важное из этой части наследия – поэма об Алмоше, которая хорошо известна благодаря многолетним стараниям того же Я. Варади-Штернберга, нашедшего и опубликовавшего рукопись «Угорской национальной саги». Как известно, вскоре произведение вошло в 50-томное полное издание сочинений И. Франко и было издано в переводе на венгерский язык.

При нашем знакомстве с поэзией Франко лишь в пределах ее русского издания в Библиотеке поэта представляется возможным привлечение к изучению и других его стихотворений, напр., из «бразильского цикла», косвенно примыкающих к теме, как, напр., «Письмо Стефании», «Когда услышишь, что в тиши ночной»³⁴ и др. Знакомство *de visu* с «Откровением св. Стефана» (1906, нам известен лишь факт его существования), вероятно, расширило бы наше представление о франковском имидже венгров.

Думается, по сравнению с первым обобщением на тему, сделанным почти сорок лет назад Э. Грабарь,³⁵ вообще пришло время созда-

³² Суд Божий в Карпатах. Григорий Мачтет: Живые картины. М., 1895, с. 179–198.

³³ Цит.: Штернберг Я.: Мир поэзии и дружбы. (Поиски и находки.) Карпаты, Ужгород, 1979, с. 143.

³⁴ Иван Франко: Стихотворения и поэмы. Библиотека поэта (Малая серия), «Советский писатель». Л., 1968.

³⁵ Grabár Eleonóra: Ivan Franko magyar kapcsolatai. *Filológiai Közlöny*, 1964/1–2.

ния современного синтеза франковского видения венгров на основе комплексного рассмотрения всего им созданного. В рамках этого, в наши дни отсутствия идеологических шор был бы не только допустим, но и просто необходим, напр., перевод его «Чистой расы».

3.4. Нет сомнения, что наиболее значительное и преобладающее по количеству по нашей теме создано в литературе периода 1917–1991 гг.

3.4.1. Первый обнаруженный след – это «переделка письма запорожцев» (таково редакторское заглавие раздела) в книге «Українські пародії». Это 14-ое по счету «письмо» – оно направлено Петлюре от имени Щорса и было опубликовано в 1919 году в журнале «Политучеба красноармейца». С нашей темой оно соприкасается лишь в предпоследнем абзаце: «Освобожденная Венгрия протягивает к нам братские руки, и руки, ограбленных панамы, крестьян Польши, Галиции тянутся к твоему горлу, Иуда!».³⁶ Эта же фраза позволяет и датировку – весной того года, когда Венгерская советская республика была уже провозглашена, интервенты (как сообщается в предшествующей ей фразе) уже оставили Одессу (это 5 апреля), но по формулировке еще не ощущается та атмосфера, в которой (уже в июне и начале июля) предполагалась стратегическая операция объединения венгерских и советских армейских частей путем их встречного прорыва друг к другу в Западной Украине.

3.4.2. Благодаря личным контактам в довоенное время (30-е годы) уходят своими корнями некоторые венгерские темы. Центром притяжения здесь служат венгерские писатели-эмигранты, дружба с которыми открывает для ряда украинских поэтов общение с нашей культурой. Мы имеем в виду прежде всего Матэ Залку, чья личность – после гибели в Испании в 1937 году – стала темой для близко знавших его. Стихотворение Саввы Головановского «Памяти Матэ Залка»,³⁷ написанное вскоре после вести о смерти героя, по главной своей мысли перекликается с рожденным в эти же месяцы «Генералом» К. Симонова. А в его «Встрече солнца на Чернечьей горе»,³⁸ опубликованной в 1941 г., соединяются чувства о совместно пережитом и о священном

³⁶ Українські пародії. Вид. АН УРСР, Київ, 1963, с. 67–68.

³⁷ Памяти Матэ Залка. Головановский С.: Стихи. «Художественная литература», М., 1966, с. 56–59.

³⁸ Головановский С.: Встреча на Чернечьей горе. *Знамя*, 1941. № 5. с. 144–145.

для украинцев месте с мыслями обоих о родине. Залка также познакомил Л. Первомайского с поэзией Ш. Петефи и вообще с нашими революционными традициями. Переводить стихи Петефи на украинский поэт начал уже тогда. Первомайский воздал дань этим традициям в цикле «Венгерская рапсодия»,³⁹ а образ самого венгерского друга-писателя увековечил в стихотворении «Последняя встреча».⁴⁰

3.4.3. Война – следующий большой тематический узел. Вторая часть трилогии О. Гончара «Знаменосцы» – «Голубой Дунай»⁴¹ – неслучайно (после выхода в свет 1947) выдержала в Венгрии несколько изданий. Кроме батальных сцен, поведавших об основных событиях освобождения нашей страны, здесь немало страниц посвящено и венграм, по-разному относящимся к происходящему. В романе не была полностью исчерпана эта тема, т.к. в дальнейшем на венгерский язык переводились и его новеллы, основанные на этом же материале,⁴² а в конце 80-х годов и стихи, написанные в моменты фронтового затишья в городах Тёрёксентмиклоше, Секешфехерваре и т.д.⁴³ (В. Коваль в повести-эссе «Пути знаменосцев» приводит отрывки и из других его стихов на венгерскую тему.⁴⁴) Здесь же хочется отметить и присутствие образов венгров-интернационалистов времен гражданской войны в романе писателя «Перекоп».⁴⁵

К военной тематике примыкают стихи и других поэтов. Это такие как стихотворение Микола Нагнибеды⁴⁶ «Глядя на скульптуру в Будапеште», «Зерно», «Дунайская баллада»⁴⁷ и др. Неоднократно

³⁹ Венгерская рапсодия. Первомайский Л.: Стихотворения и поэмы. «Художественная литература», М., 1955.

⁴⁰ Первомайский Л.: Последняя встреча (Памяти Матэ Залка). *Новый мир*, 1938. № 8. с. 13–15.

⁴¹ Гончар О.: Знаменосцы. Изд. «Молодая Гвардия», 1950.

⁴² Гончар О.: На Балатоне. В сб.: Повести и рассказы. Изд. «Молодая Гвардия». М., 1953. с. 370–383; Илонка. Там же, с. 384–398.

⁴³ Olesz Honcsar: Magyar románc. Ford. Simon Lajos. *Népszabadság*, 1988. ápr. 2.

⁴⁴ Коваль В.: Пути знаменосцев. *Радуга* (Киев), 1985. № 3.

⁴⁵ Гончар О.: Перекоп. *Октябрь*, 1957. № 9.

⁴⁶ Глядя на скульптуру в Будапеште; Зерно. Нагнибеда М.: Дорогами жизни. ГИХЛ, М., 1960.

⁴⁷ Mikola Nahnibeda: Dunai ballada. (Ford. Lator László.) A szovjet költészet antológiája. УМК, 1955. 1. k. 418–419. p.

перепечатывалась и публицистика А. Малышко, напр., «Под звездами Венгрии».⁴⁸

В прозе темы войны касается и М. Томчаний.⁴⁹

Безусловно главным автором в этом тематическом блоке является Леонид Первомайский, корреспондент газеты «Правда». Он печатает с мест горячих событий целый ряд репортажей, впечатления от которых отстаиваются уже в его художественных произведениях. Например, почти буквально, после окончания кровопролитнейших боев за Будапешт, в мартовском номере «Знамени» 1945 г. печатается его «Письмо из Будапешта» в столь редком в XX веке размере гекзаметра, позднее – «Отрывки из венгерского дневника»,⁵⁰ рассказ «Кофе по-будапештски» и «Дунайские воспоминания».⁵¹

На новом уровне получает у него развитие и важная довоенная тема. В октябре–ноябре 1944 г. его, простуженного, лечат в доме пекаря в городе Кунсентмартоне.

В письме тамошним гимназистам, уже в 1970 году, он подробно описывает обстоятельства возникновения своего стихотворения «Петефи Шандорови».⁵²

Он вспомнил рассказы М. Залки о Петефи в многочисленных дружеских общениях с ним в 30-е годы и ему сразу показалось знакомым («петефиевским») название городка.

От себя добавим: сквозь память прорывался скорее другой топоним из тех же рассказов, который так же оканчивался на *мартон*: Салксентмартон. (Каждый венгр со школьной скамьи помнит, что в Салксентмартоне Петефи написал свыше двух десятков стихов, а рас-

⁴⁸ Andrej Malisko: Magyarország csillagai alatt. *Délmagyarország*, 1950. ápr. 1.

⁴⁹ О романе М. Томчания см. рецензию П.Э. Фехера: *Népszabadság*, 1970. szept. 15.

⁵⁰ Leonyid Pervomajszkij: Magyarországi naplótöredékek. (Ford. Grigássy Éva.) *Kortárs*, 1960. 4. sz. 609–619. p.

⁵¹ Первомайский Л.: Кофе по-будапештски. Огонек, 1960. № 27. с. 9–12; Первомайский Л.: Дунайские воспоминания. В сб.: Творческие будни. «Художественная литература», М., 1972. с. 185–189.

⁵² Leonyid Pervomajszkij: Kunszentmárton város gimnazistáinak, Magyarország. *Szovjet irodalom*, 1985. 5. sz. 130–131. p. Стихотворение «Петефи Шандорови» начиная с 1945 года в переводе Д. Радо печаталось в нашей прессе множество раз. Наиболее доступная публикация на украинском и венгерском языках: *Szovjet irodalom*, 1978. 4. sz.

положенный всего в десятке км. город Кунсентмиклош, место рождения только одного-двух стихотворений, таких ассоциаций не вызывает.)

Может быть, кое-кого он и расспрашивал, а те, плохо его понимая, поддакивали с радостью («не венгр, а вот знает о Петефи!»). И Первомайский представил себе, что лежит в родных местах Петефи (может быть, в той же кровати, что и поэт) и его выхаживают потомки знаменитого земляка... Таким образом этот кажущийся *genius loci* и послужил толчком, сначала, для начальных строк («В Кунсентмартони, де писав ту вирши, я не спав... Аж ось твоя земля!...»), а затем – и для всей последующей за ними цепочки мыслей.

Автор этих строк в 70-е годы спросил у Дьердя Радо, не хотелось ли ему в одну из многочисленных встреч с автором как-то тактично указать на эту небольшую «топонимическую» ошибку? Выдающийся переводчик и филолог не зря служил после 1945 года несколько лет и дипломатом, потому ответил мне словами Маяковского, что «наступил на горло» такому своему желанию, считая, что в рождении данного стихотворения главное – не буквальное соответствие фактам, а духовная встреча писателей.

Более позднее стихотворение Л. Первомайского «Пушта Федьвернеки» (1969)⁵³ также является своеобразным сплавом – личных впечатлений под с. Ясапати военной осенью 1944-ого (здесь он лежал раненый на улице Петефи 9) и стихов о «бетьяре на воле» Зёльд Марци, воспетого великим поэтом.

Из написанного в послевоенное время ограничимся лишь наследием трех, уже ушедших в вечное бытие авторов. Каждый из них был связан с нашей страной узами определенных этапов своей биографии, отсюда – их обостренный интерес к нам и умение проникать в различные слои современной им действительности.

3.4.4. Валентин Лагода, выросший в этнически смешанном Закарпатье, хорошо знал венгерский язык с детства. Стихотворный сборник «За нашими Карпатами»⁵⁴ явился первым украинским «зеркалом», как бы подытоживающим происшедшее в братской стране за первое десятилетие. (Аналогичную функцию в русской литературе того же пе-

⁵³ Пушта Федьвернеки. Л. Первомайский: Избранные произведения. Т. 1. «Художественная литература», М., 1978. с. 342–344.

⁵⁴ За нашими Карпатами. Лагода Валентин: Стихи о новой Венгрии. «Советский писатель», М., 1954.

риода сыграл цикл стихов Л. Ошанина, написанных под впечатлением увиденного в Венгрии во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Будапеште 1949 года. Они вошли в его книгу «Беспкойные сердца» 1951 г.)

Книга Лагоды состоит из 31 стихотворения. Это, судя по датировке, результаты неоднократных посещений страны с 1948 по 1952 гг. В них предстаёт масштабная панорама жизни в тех параметрах, которые вытекали из тогдашней советской картины мира: это рабочие Чепеля и Сталинвароша, перевыполняющие план, сталевар-орденоносец, комбайнер из Хайдусобосло, рассказ крестьянина о посещении советского колхоза, передача опыта советским шахтером местным коллегам, учащиеся вечерней школы, рабочий, изучающий «Историю ВКП(б)», министр из ткачих, молодой поэт из рабочих...

Описание трудовых буден, составляющих главный стержень содержания, местами оживляется рассказом о нехитрых человеческих радостях – любви, чардаше, токайском вине, о совместном переживании впечатления от искусства ансамбля Александра.

Многие из стихов пронизаны воспоминаниями автора о недавних боях в этих местах, его естественно возникающими историческими (Арпад, Ракоци, Кошут и др.), музыкальными (Лист) и литературными (Петефи, Арань) реминисценциями. Заключительное произведение книги напоминает о роднящих их народы моментах прошлого – Осмысле, Наливайко: здесь «месяцами звенит старина». Разнообразие настроений достигается включением в книгу баллады, жанровой сцены, портрета и т.д.

3.4.5. Выходец из почти чистой венгерской среды (Береговский район) Юрий Гойда в начале 40-х годов учился в Дебреценском университете. Впоследствии он много переводил с венгерского языка, в том числе и пьесу Й. Катона «Банк бан».

Книгу «Угорски мелодии»⁵⁵ он закончил за несколько месяцев до своей смерти. В ней – двадцать лирических произведений и три произведения эпического жанра. Их тематический диапазон близок к лагодинскому: сталевар и ткачиха, пахущий на своей земле хлебороб и дружба приграничных колхозов, Петефи и Сталинварош (причудливое

⁵⁵ Наши соседи. Юрий Гойда: Рождение сказки. Стихи и поэмы. «Советский писатель», М., 1955.

видение первого во втором дано в рамках одного стихотворения), исторические традиции, Токай, чардаш, Балатон и др. В отличие от предыдущего поэта, у Гойды преобладают портретные стихи, что делает их несколько интимнее, ближе к жизни.

Поэмы «Гортобадская баллада», «Нескорима пісня» и др. отдают определенным влиянием Петефи и венгерских народных баллад.

3.4.6. Юрий Шкробинец для Венгрии – это прежде всего крупнейший переводчик нашей литературы на украинский язык. Его требовательному труду читатели соседней страны обязаны знакомством с «Апостолом» и «Витязем Яношем» Петефи, балладами и поэмой «Толди» Араня, прозой Д. Ийеша, Ф. Каринти, Ж. Морица и др. Антология «Угорська арфа» составлена им из стихов трех столетий – от И. Дьендеши до Д. Дьярфаша. Из переводов выростали его проникновенные эссе о писателях.⁵⁶

В одном из интервью он рассказал о родственниках с Миши Нилашем житейских впечатлениях, побудивших позднее его выбор для перевода романа Ж. Морица «Будь честным до самой смерти», когда во время второй мировой войны он жил в будапештском интернате, и еще только-только начал учить венгерский.⁵⁷

Через два десятилетия он постигал уже поэзию Шандора Вёрёша (в частности, автора стихотворения о Шевченко) и в своем эссе о творчестве старшего собрата мы находим интересные наблюдения о моментах близости и расхождений в теме, поэтике и даже ритмике двух поэтов.⁵⁸

В своих стихах на венгерские темы Шкробинец то вспоминает гимназические годы, то делится впечатлениями от страны,⁵⁹ а в «Сонетах памяти» «беседует» с писателями (Э. Ади, Ж. Мориц, А. Йожеф и др.),

⁵⁶ Шкробинець Ю.: Янош Арань. До 150-річчя з дня народження. *Всесвіт*, 1964. № 3. с. 77–79; Співець угорського майбуття. [Про А. Йожефа.] *Жовтень*, 1968. № 11. с. 9–10.

⁵⁷ «Móricz életműve a boldogság- és igazságkeresés példája». Beszélgetés Jurij Skrobineccel. *Szovjet irodalom*, 1979. 10. sz. 189–190. p.

⁵⁸ Jurij Skrobinec: Weöres Sándor – ukrán szemmel. *Jelenkor*, 1970. 12. sz. 1141–1144. p.

⁵⁹ Jurij Skrobinec: Az Eötvös gimnázium előtt; Azt hiszik. (Ford. Jobbágy Károly.); Gyorsvonaton. (Ford. Weöres Sándor.) *Irodalmi szemle*, 1973. 3. sz. 237. p.; Вогни Будапешта. *Дукля* (Прешов), 1976. № 5.

оплодотворившими его вдохновение на переводы.⁶⁰ Не лишены оригинальности, и даже языковых игр, стихи, написанные им по-венгерски.

3.4.7. То, что известно нам из произведений украинских писателей современности о венграх («Петефи» П. Скунса, «Нефть» В. Коротича, стихи В. Колодия, Р. Лубкивского, В. Лучука, Д. Павлычко и др.), составляет, вероятно, лишь малую часть реально существующего, однако, увы, все менее доступного нам из-за трудностей культурного обмена – и это при непосредственном географическом соседстве и отсутствии недавних идеологических препятствий, навязанных десятилетиями. Нам представляется, этот круг может быть освоен лишь усилиями исследователей обеих стран.

4. Изложенное является, естественно, лишь «вершиной айсберга» – на основе того, что можно было обнаружить по теме в библиотеках Венгрии. Поиски в украинских книгохранилищах, вероятно, смогут дать материала, во много раз превосходящего приведенное выше.

К тому же все это еще не сам «национальный имидж венгров в украинской литературе», а только как бы путеводитель по текстам, в ходе изучения которых можно будет сделать первые выводы о таковом. Первым условием этого должен быть выпуск серии компактных дисков (*CD*), включающей в себя все выявленные источники (по сей день в нашем распоряжении уже свыше 5 тысяч страниц текста).

Дальнейшая работа предполагает: а) показ исторического формирования представлений украинского народа о венграх через свою литературу в отдельные периоды, выявление характерных особенностей содержания отдельных отрезков времени, и б) литературоведческое освоение каждого из найденных «венгерских следов», установление его места в творческой биографии автора, освещение роли данного «венгерского произведения» в его творчестве.

⁶⁰ Skrobinec Jurij: József Attila. Az emlékezés szonettjei ciklusból. (Ford. Balla László.) *Kárpáti Igaz Szó*, 1980. ápr. 13.